

Изъ вышеизложеннаго объясняется причина той энергіи, съ которой Европейскіе ученые посвящаютъ себя изученію Армянской письменности, и мы уже имѣемъ переводы многихъ ея памятниковъ на разныхъ языкахъ Европы.

Но цѣль и тѣсныя предѣлы статьи не позволяютъ намъ распространяться о томъ, въ какой степени важна разработка Армянской литературы, что она принесла въ общую сокровищницу науки и чего мы въ-правѣ отъ нея ожидать. Желая познакомить читателей съ разсужденіемъ Армянскаго писателя V вѣка, Езника Колпскаго, которое значительно пополняетъ наши свѣдѣнія о древней религіи Зороастра, для полнаго уразуменія этого разсужденія, считаемъ необходимымъ познакомить нѣсколько съ эпохой, въ которую жилъ Езникъ, и съ обстоятельствами, сопровождавшими появленіе его сочиненія.

Всѣ народы востока: въ Китаѣ, Индіи, Персіи и Аравіи сопротивлялись введенію христіанства, Армяне-же приняли св. вѣру съ замѣчательною готовностью и усердіемъ, и небо щедро ихъ за это наградило: ибо съ этого времени, собственно говоря, Армяне занимаютъ почетное мѣсто между народами Азіи, и составляютъ отдѣльную и самостоятельную націю. И такъ, хотя въ началѣ IV вѣка христіанская религія была господствующею въ Арменіи, однакожь не должно забывать, что еще во многихъ ея странахъ, по единогласному свидѣтельству Армянскихъ историковъ: Агаѳангела, Фауста Византійскаго, Моисея Хоренскаго, Егише, Лазаря Пәрпеци, впродолженіе болѣе вѣка, укрывалось язычество и другія ученія, проникнувшія сюда изъ сосѣднихъ странъ. Біографъ и ученикъ Месроба, Кдріюнъ, подробно рассказываетъ многотрудные подвиги своего наставника, на пользу распространенія свѣта наукъ и религіи въ своемъ отечествѣ.

Переходъ отъ язычества къ христіанству былъ для Арменіи, въ полномъ смыслѣ, переходомъ отъ тьмы къ свѣту[?]; и эпи-

ли надѣяться; еслибы мы могли пользоваться рукописями, то трудно выразить, какой-бы свѣтъ онѣ пролили на исторію этой ученой націи и ея сосѣдей».

тетъ *Просвѣтителя*, данный проповѣднику слова Божія въ Арменіи, есть лучшее тому доказательство. До Григорія-Просвѣтителя, Арменія была чужда просвѣщенія своихъ сосѣдей Грековъ и Сиріянъ; въ ней господствовало полное невѣжество, такъ-что никто даже не бралъ на себя труда описать славныя царствованія языческихъ царей Арменіи, и Моисей Хоренскій долженъ былъ прибѣгнуть къ источникамъ Греческимъ и Сирійскимъ: «много подвиговъ мужества, говоритъ онъ, совершено въ странѣ нашей, достойныхъ письменнаго воспоминанія, которые никто изъ нихъ не счелъ нужнымъ описать» (3); и далѣе, утверждая, что это умственное бездѣйствіе происходило не отъ того, что не было Армянскихъ письменъ, или не потому, что Арменія вела частыя войны, ибо употреблялись письмена сосѣднихъ народовъ — Персіянъ, Сирійцевъ и Грековъ, и Арменія часто наслаждалась миромъ, Хоренскій заключаетъ: «Но мнѣ кажется, что какъ теперь, такъ и у древнихъ Армянъ, не было любви къ ученію и изустнымъ преданіямъ».

Не входя въ разсмотрѣніе — отсутствіе-ли Армянскихъ письменъ, постоянныя-ли войны, или что-либо другое было причиною этой всеобщей нелюбознательности и умственного бездѣйствія, мы должны однакожь сознаться, что литература Армянъ ведетъ свое начало отъ времени изобрѣтенія Армянскаго алфавита.

До сего времени Армяне, какъ и всѣ младенческіе народы, имѣли почти однѣ только историческія народныя пѣсни, которыя изустно передавали потомству дѣянія древнихъ царей и героевъ. Пѣсни эти долго сохранялись въ народѣ, пѣвались обыкновенно при звукахъ инструментовъ и въ-сопровожденіи пляски (4); но никто изъ Армянъ, подобно Гомеру въ Греціи,

(3) Исторія Моисея Хоренскаго lib. I. cap. III.

(4) Ibid. Эпосъ древней Арменіи *Վեպ Զնոյն Հայաստանի* г. Эмина. Чтобы познакомить читателя съ этими пѣснями, я приведу одинъ отрывокъ изъ нихъ съ Французскимъ переводомъ, принадлежащимъ Дюлорье; отрывокъ этотъ заключаетъ въ себѣ символическое описаніе рожденія Ваһакна, одного изъ древнѣйшихъ героевъ Арменіи:

Фирдоуси въ Персіи, Віасу и Вальмики въ Индіи, не собрали этихъ эпическихъ сказаній въ одно цѣлое. Они отрывками переходили изъ рода въ родъ, и были почти единственными туземными источниками древнѣйшей исторіи Армянскаго народа.

По введеніи христіанства, Армяне еще цѣлое столѣтіе не имѣли собственныхъ письменъ; по свидѣтельству историка Вартана, употреблялись письмена трехъ сосѣднихъ народовъ— Грековъ, Персовъ и Сиріянъ. Моисей Хоренскій упоминаетъ только объ употребленіи Персидскихъ и Греческихъ письменъ (5); но болѣе прочихъ употреблялись, кажется, письмена Сирійскія, ибо Лазарь Парпеци говоритъ: «огорчался блаженный Маштоцъ (Месробъ), видя многотрудныя предпріятія Армянскихъ юношей, которые большими издержками, дальними

Երկնէր երկին և երկիր .
Երկնէր և ծիրանի ծով .
Երկն ՚ի ծովուն ունէր
Օկարմրիկ եղեգնիկն .
Նդ եղեգան փող՝ ծովս ելանէր .
Նդ եղեգան փող՝ բոց ելանէր .
Եւ ՚ի բոցոյն պատանեկիկ
Վազէր , նա հուր հէր ունէր .
Այա թէ բոց ունէր մօրուս ,
Աչկունքն էին արեգակունք :

Le ciel et la terre étaient dans les douleurs de l'énfentement,
La mer, aux reflets de pourpre, était aussi en travail;
Du sein des eaux naquit un petit roseau vermeil;
Du toyau de ce roseau sortait de la fumée,
Du toyau de ce roseau jaillissait de la flamme,
De cette flamme s'élançait un petit enfant;
Il avait une chevelure de feu,
Une barbe de flammes,
Les petits yeux étaient deux soleils.

Излишне было-бы говорить, какъ много теряетъ этотъ отрывокъ въ переводѣ: въ подлинникѣ онъ поражаетъ изяществомъ и сжатостью слога, и носитъ на себѣ отпечатокъ древняго востока, какъ и другіе отрывки, приведенные Моисеемъ Хоренскимъ въ его исторіи.

(5) Lib. I, cap. 3; lib. III, cap. 52.

путешествіями и многолѣтнимъ ученіемъ истощали себя въ Сирійскихъ училищахъ: ибо церковная служба и чтеніе книгъ совершалось на языкѣ Сирійскомъ, и народъ не могъ внимать и пользоваться ими, не понимая языка Сирійскаго (6)».

Это обстоятельство, чрезвычайно затруднявшее чтеніе св. писанія въ церквахъ (ибо не всегда находился тамъ искусный переводчикъ, который-бы изустно переводилъ прочитанное имъ на Сирійскомъ языкѣ), было одной изъ побудительныхъ причинъ изобрѣтенія св. Месробомъ Армянскихъ письменъ, — что подтверждаетъ и Моисей Хоренскій, говоря: «Блаженный Месробъ немало трудовъ переносилъ; напутствуя (народъ), ибо самъ былъ и чтецомъ и переводчикомъ, и если кто другой читалъ, гдѣ ему не случалось быть, то оставался непонятымъ народомъ, за отсутствіемъ переводчика, поэтому вознамѣрился изобрѣсть письмена, для Армянскаго языка, и предавъ себя трудамъ, измучился надъ разными опытами (7)».

Хотя главная, побудительная причина изобрѣтенія Месробомъ Армянскихъ письменъ была, какъ мы видѣли, потребность въ Армянскомъ переводѣ св. писанія, немало однако тому содѣйствовали покровительство католикоса св. Исаака, и въ-особенности любознательность царя Армянскаго Врамшапуха, употреблявшаго, во время пребыванія своего въ Сиріи, всевозможныя усилія къ отысканію человѣка, который-бы изобрѣлъ Армянскія письмена, и одинъ священникъ, по имени Авель «обѣщался доставить ему письмена, изобрѣтенныя епи-

(6) Стр. 26, то-же повторяетъ и на стр. 30. Изъ этихъ словъ Лазаря видно, что церковная служба совершалась на языкѣ Сирійскомъ, тогда-какъ Моисей Хоренскій говоритъ, что въ церквахъ употреблялся Греческій языкъ (lib. II, сар. 36); поэтому надо-бы полагать, что въ одномъ мѣстѣ Арменіи употреблялся Греческій языкъ, а въ другомъ — Сирійскій, или-же иногда тотъ, а иногда другой; то-же должно разумѣть и о придворномъ языкѣ, ибо Моисей Хоренскій упоминаетъ о Персидскомъ языкѣ, а Лазаръ объ обоихъ.

Употребленіе въ Арменіи Сирійскихъ письменъ привело Бошара къ ложному заключенію о сходствѣ Армянскаго языка съ Сирійскимъ, lib. II, сар. 9.

(7) Исторія Моисея Хоренскаго lib. III, сар. 47.

скопомъ Даніиломъ, его родственникомъ (8)». Письмена эти были не изобрѣтеніемъ Даніила, но только у него хранились: ибо извѣстно, что съ незапамятныхъ временъ Армяне имѣли свой алфавитъ (9); но какъ онъ былъ безъ гласныхъ, какъ у Арабовъ и Евреевъ, то должны были употреблять письма сосѣднихъ народовъ. Врамшапухъ снова велѣлъ ввести ихъ во всѣ училища; но вскорѣ замѣчено было, что они недостаточно выражаютъ всѣ звуки Армянскаго языка (10). Тогда св. Месробъ принялъ на себя трудъ пополнить эту азбуку; для сего онъ сначала обращался къ разнымъ современнымъ ученымъ, но тщетно: никто не могъ помочь ему въ этомъ трудномъ дѣлѣ; онъ предался молитвамъ, и въ видѣніи незримая рука начертываетъ предъ нимъ вожелѣнныя буквы (11). «Во дни его (Θеодосія младшаго), говоритъ Асоликъ, жилъ св. архипастырь Армянъ Исаакъ; при немъ (изобрѣтены) письма Армянскаго языка,—29 философъ Сирійскимъ; недостаточность же семи писменъ пополняетъ блаженный Месробъ, родомъ изъ Дарона, получивъ ихъ отъ Бога молитвами» (12). Эти письма, изобрѣтенныя св. Месробомъ (въ 416 году), числомъ 36, безъ малѣйшаго измѣненія до-сихъ-поръ употребляются Армянами; въ XII ст. къ нимъ прибавлены еще двѣ буквы (о и ѳ), а потому 38 буквъ составляютъ нынѣ Армянскую азбуку, «которой,

(8) Исторія Моисея Хоренскаго, lib. III, cap. 47.

(9) Кромѣ Армянскихъ историковъ, это подтверждаетъ Филостратъ, современникъ императора Карагаллы, который въ сочиненіи своемъ «Жизнь Аполлона Туанскаго», говоритъ: «однажды Памфилій поймалъ барса, имѣвшаго на шеѣ золотое кольцо, на которомъ *Армянскими буквами* было написано: «царь Аршакъ богу Нивію».

(10) Исторія Моисея Хоренскаго, lib. III, cap. 52.

(11) Ibid. lib. III, cap. 53.

(12) Асоликъ lib. II, cap. 6. Это единогласно подтверждаютъ и всѣ другіе Армянскіе историки — Вартанъ, Лазарь Парпеци (стр. 26 и 30), Коріюнъ, Самуиль и др.

Замѣчательно, что до введенія Армянскихъ писменъ употреблялись также условные знаки, означающіе извѣстные предметы; такъ по свидѣтельству Агафангела ими записаны были слова св. Рипсимы и св. Григорія-Просвѣтителя: «въ то время, какъ онъ висѣлъ, то все это говорилъ и судейскіе писцы *записали знаками*».

говорить Сентъ-Мартенъ, мы обязаны сохраненіемъ языка и литературы Армянской. Вѣроятно, безъ нея этотъ народъ не замедлилъ-бы смѣшаться съ Персами или Сирійцами и совершенно исчезнуть, какъ многіе народы древней Азіи; она рѣзко отдѣляетъ націю и церковь Армянскую, долго охраняла ихъ политическую и религіозную независимость и до-сихъ-поръ продолжаетъ ихъ существованіе (13).

И такъ Армяне обязаны христіанству не только лучшимъ понятіемъ о Творцѣ міра, лучшими понятіями жизни и лучшею, безъ-сомнѣнія, нравственностію, но и пользою самага благодѣтельнаго, самага чудеснаго изобрѣтенія людей. Первымъ непосредственнымъ слѣдствіемъ этого изобрѣтенія было переложеніе на Армянскій языкъ книгъ священнаго писанія семидесяти толковниковъ, къ которому тотчасъ приступили св. Исаакъ и св. Месробъ съ помощію своихъ учениковъ. Переводъ этотъ Греческаго текста (который католикусу Исааку прислалъ Константинопольскій патріархъ Максимиліанъ) отличается въ высшей степени вѣрностію и изяществомъ (14). Лакрозъ называетъ его «царемъ переводовъ» (15). Подобнымъ-же образомъ отзываются и братья Вистоны въ предисловіи своемъ къ Латинскому переводу исторіи Моисея Хо-

(13) *Histoire de Bas-Empire* par Lebeau, t. V, p. 320.

Грузія какъ христіанской религіей, такъ и своими письменами, обязана Арменіи, ибо св. Григорій-Просвѣтитель благословилъ Нину проповѣдовать Евангеліе въ Грузіи, и руководилъ ея дѣйствіями тамъ, а св. Месробъ изобрѣлъ также письмена для Грузинъ и Албанцевъ. Исторія Моисея Хоренскаго, lib. II, cap. 85; lib. III, cap. 54 и др.

(14) Исторія Моисея Хоренскаго, lib. III, cap. 63. Коріунъ.

(15) «Армянскій переводъ, по мнѣ, говоритъ онъ, лучше многихъ переводовъ Новаго Завѣта. Только этому одному языку и принадлежитъ свойство, слово-въ-слово передавать выраженія оригинала. Вамъ извѣстенъ духъ Сирійскаго языка. Языкъ Египетскій еще болѣе удаляется отъ Греческаго, съ которымъ иные находятъ въ немъ нѣкоторыя сходства, по переводу Новаго Завѣта. Ничто не можетъ быть справедливѣе того сужденія, которое произнесъ покойный Пикъ (Piques) объ Армянскомъ переводѣ. Переводъ Армянскій мало извѣстенъ, но онъ лучше Сирійскаго, неоднократно исправляемаго, по свидѣтельству Григорія Абульфараджа и другихъ, по Греческому тексту. Я вамъ не привелъ-бы этого мнѣнія, которое можетъ казаться неопредѣлительнымъ, если-

ренскаго (16). Англійскій ученый Клавдій Букананъ увѣряетъ, что знатоки Армянскаго языка удивляются точности перевода, — чему, безъ-сомнѣнія, способствовали богатство и гибкость этого языка и глубокія познанія въ Греческомъ языкѣ переводчиковъ свв. Исаака и Месроба.

Любовь и стремленіе, которыя стали обнаруживать Армяне къ наукѣ и литературѣ, послѣ изобрѣтенія алфавита и переложенія книгъ священнаго писанія, можетъ сравниться развѣ только со всеобщимъ стремленіемъ Европы, въ XV вѣкѣ, къ новому свѣту, послѣ мрака среднихъ вѣковъ. Эти два періода исторіи образованія двухъ столь различныхъ народовъ, имѣютъ еще одну общую черту: какъ великіе люди XV ст., Аре-тинъ, Валла, Виссаріонъ и др. считали своимъ долгомъ, главною цѣлью своихъ трудовъ — оставить вѣрные переводы Греческихъ классиковъ, тою-же энергическою дѣятельностью — переводить всѣхъ Сирійскихъ и Греческихъ писателей, воодушевлены были и ревнители просвѣщенія Армянъ въ началѣ V вѣка, во главѣ которыхъ стояли Исаакъ и Месробъ. Съ этою цѣлію они послали 60 лучшихъ и способнѣйшихъ изъ своихъ учениковъ въ школы Эдессы, Александріи, Аѳинъ и Византіи, для усовершенствованія въ Греческомъ и Сирійскомъ языкахъ и изученія грамматики, философіи и исторіи. Какъ въ XIII и XIV стол. путешествовали изъ Германіи въ Италію и во Францію, такъ въ V вѣкѣ устремились многіе изъ Азіи въ

бы я могъ вамъ дать почувствовать всю красоту, достоинство и энергію, не говоря уже о древности, Армянскаго перевода. Посредствомъ этого перевода можно возстановить текстъ 70 толковниковъ въ безчисленномъ множествѣ мѣстъ. Мнѣ надо-бы было написать цѣлую книгу, еслибы я захотѣлъ письменно изложить то, чтобы я могу сказать объ Армянскомъ переводѣ, къ которому питаю величайшее и весьма основательное уваженіе».

(16) *Secuti sunt autem Armeni interpretes in Foederis Antiqui libris versionem Graecam septuaginta interpretum eorumque vestigiis adeo presse institerunt, quumverbum fere verbo reddiderint, id quod in novo etiam Foedere, do Graeco itidem expresso, factum est. Nec vero diligenter tantum, sed perite etiam scienterque armeni interpretes suo officio functi sunt, ut non modo fidam atque accuratam, verum elegantem ac venustam versionem confecisse videantur, стр. X.*

Грецію, для полученія образованія. Софисты Аѳинскіе дѣлили между собою страны, какъ повелители въ искусствѣ слова; такъ, по свидѣтельству Евнапія, къ Юліану стекались слушатели со всего міра, къ Епифану изъ Сиріи, къ Діофанту изъ Аравіи (17); изъ земель-же при-Понтійскихъ, Вифиніи и вообще изъ странъ, составлявшихъ Римскую провинцію Азіи, собирались въ аудиторіи Проэресія, который, будучи родомъ Армянинъ, соотечественникомъ считался между своими слушателями; Проэресій пользовался такою славою, что бюстъ его стоялъ въ Римѣ; ему дали прозваніе *царь краснорѣчій*, — что подтверждаетъ Григорій Богословъ, одинъ изъ знаменитѣйшихъ его учениковъ, говоря: «кто только зналъ Аѳины, тотъ слышалъ и говорилъ о нашихъ наставникахъ». Въ школу знаменитаго своего соотечественника вступили Армянскіе юноши, присланные Исаакомъ и Месробомъ, по прибытіи въ Аѳины; мы ихъ встрѣчаемъ на однихъ скамьяхъ съ Василиемъ Великимъ и Григоріемъ Богословомъ, учившимися также у Проэресія. Что касается до того, въ какой степени успѣвали въ наукахъ Армянскіе юноши и какой славой пользовались они въ Аѳинахъ, то въ этомъ отношеніи весьма любопытенъ слѣдующій рассказъ Григорія Богослова: «Примѣчаю въ Армянахъ, говоритъ онъ, что они люди не простодушные, но весьма скрытные и не проныцаемые. Такъ въ сіе время нѣкоторые изъ числа болѣе знающихъ и дружныхъ съ Василиемъ, еще по товариществу отцовъ и прадѣдовъ, которымъ *случилось* учиться въ одномъ училищѣ, приходятъ къ нему съ дружескимъ видомъ и предлагаютъ ему вопросы болѣе спорные, нежели разумные. Давно зная даровитость Василія и не терпя тогдашней его чести, они покушались съ перваго пріема *подчинить его себѣ*.... А я человекъ *привязанный къ Аѳинамъ* и недалновидный (потому-что, вѣря на-ружности, не подозревалъ зависти), когда стали они ослабѣвать и обращаться уже въ бѣгство, *возревновалъ о славѣ Аѳинъ, и*

(17) Eunapii vit. Sophist, 1, 68, 75, 79.

*чтобъ не пала она въ лицѣ ихъ и не подверглась вскорѣ презрѣнію, возобновивъ бесѣду подкрѣпилъ молодыхъ людей и придавъ имъ вѣсъ своимъ вмѣшательствомъ (въ подобныхъ случаяхъ и малая поддержка можетъ все сдѣлать) ввелъ, какъ говорится, равныя силы въ битву. Но какъ скоро понялъ я тайную цѣль собесѣдованія, потому-что невозможно стало скрывать ее долѣе, и она сама собою ясно обнаружилась, тогда, употребивъ нечаянный изворотъ, перевернулъ я корму, и ставъ за одно съ Василиемъ, сдѣлалъ побѣду сомнительною. Василий-же понялъ дѣло тотчасъ, потому-что былъ проникателенъ, сколько едва-ли кто другой...; и не прежде пересталъ поражать силлогизмами, какъ принудивъ къ совершенному бѣгству и рѣшительно взявъ надъ ними верхъ... они-же удалились безъ успѣха, немало укоряли самихъ себя за опрометчивость, но сильно досадовали на меня, какъ на злоумышленника, и объявили мнѣ явную вражду, обвиняя меня въ измѣнѣ, говоря, что я *предалъ не ихъ только, но и самые Аѳины*» (18).*

Изъ этого разсказа, сообщеннаго Григоріемъ Богословомъ съ явною цѣлію унижить Армянъ и показать силу краснорѣчія Василия, можно заключить о той славѣ и учености, которую имѣли ученики Исаака и Месроба; они были, по-видимому, представителями Аѳинъ, ибо когда ослабѣвали въ спорѣ съ Василиемъ, Григорій *возревновалъ о славѣ Аѳинъ, и чтобъ не пала она въ лицѣ ихъ и не подверглась вскорѣ презрѣнію, поддержалъ Армянскихъ юношей*; когда-же онъ сталъ за одно съ Василиемъ, то они, укоряя его въ измѣнѣ, говорили, что *предалъ не ихъ только, но и самые Аѳины*.

Эти знаменитые юноши Армянскіе, вполне достойные великихъ наставниковъ своихъ св. Исаака, Месроба и Проэресія, и славныхъ товарищей Василия Великаго и Григорія Богослова, въ 435 году возвратились въ свое отечество; изъ нихъ въ ли-

(18) Творенія св. отцевъ въ Русскомъ переводѣ, слово 43 Григорія Богослова — надгробное слово Василию архіепископу Кесаріи-Каппадокійской.

тературномъ отношеніи въ-особенности замѣчательны: какъ историки — Мойсей Хоренскій, Егише, Лазарь Парпеци, Коріюнъ; философъ — Давидъ, епископъ Езникъ Колпскій и многіе другіе.

Мы уже имѣли случай замѣтить, въ какой степени важно для всеобщей исторіи изученіе Армянскихъ историковъ? Они новымъ свѣтомъ озаряютъ событія древней Азіи и Византійской имперіи; съ большею разборчивостью сообщаютъ факты и болѣе обращаютъ вниманіе на изящество слога, чѣмъ историки Арабскіе и Персидскіе, и въ этомъ отношеніи, они превосходятъ даже бѣольшую часть Византійскихъ историковъ. «Относительно красоты выраженій и изящества слога, говорить Сень-Мартенъ, они не увлекаются игрою воображенія, подобно другимъ восточнымъ писателямъ, когда хотятъ быть краснорѣчивыми; но, не оставляя совершенно того, что составляетъ восточный слогъ, историки Армянскіе тѣмъ не менѣе умѣли воздерживаться отъ тѣхъ нелѣпыхъ сравненій и тѣхъ странныхъ, натянутыхъ метафоръ, которыя составляютъ вообще отличительную черту Арабскаго и Персидскаго краснорѣчія; можно даже безъ преувеличенія сказать, что многіе изъ нихъ, какъ-то Мойсей Хоренскій, Егише, Лазарь Парпеци, Иоаннъ Католикосъ (19) и нѣкоторые другіе достойны вниманія

(19) Жившій въ половинѣ IX столѣтія, особенно замѣчателенъ по своему оригинальному взгляду на исторію, живому и выразительному слогу и глубокимъ идеямъ, которыми изобилуетъ его исторія. Слогъ Иоанна Католикоса полонъ величія и достоинства. Одаренный пылкимъ воображеніемъ, онъ обильною рукою сѣетъ образы и метафоры, не впадая однакожъ въ безвкусіе и несообразность; рѣзкими, но краткими сентенціями и драматизмомъ, къ которымъ часто прибѣгаетъ при повѣствованіи, онъ напоминаетъ лучшихъ Греческихъ историковъ. Онъ сообщаетъ весьма интересныя свѣдѣнія, относящіяся къ исторіи Арабовъ, и слѣдитъ за побѣдоноснымъ шествіемъ ихъ въ Азіи, исчисляя всѣ войны и нашествія со временъ Абубекра. Въ первый разъ его исторія была напечатана въ Парижѣ въ 1841 году, во Французскомъ переводѣ Сень-Мартена; на Армянскомъ языкѣ она издана въ 1843 году въ Герусалимѣ, лучшее-же изданіе принадлежитъ профессору Армянскаго языка при Лазаревскомъ институтѣ Восточныхъ языковъ г. Эмину, который, принявъ на себя трудъ сравнить разныя рукописи и прежнее изданіе, подарилъ въ 1853 году своей націи изящное и вѣрное изданіе одного изъ лучшихъ ея